

ЭЛИОТ ЛИЛИТ

Мертвецы
стучатся
в двери

ТЬМА У ТРОНА

Охотники за мирами

Элиот Лилит

Тьма у трона

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Лилит Э.

Тьма у трона / Э. Лилит — «Эксмо», 2026 — (Охотники за мирами)

ISBN 978-5-04-251596-5

Страшная битва позади, но грозовые тучи, нависшие над Петербургом, не спешат расходиться. В городе новая напасть: тьма с Изнанки овладевает умами своих жертв, их губами предрекая императору Павлу страшную гибель. Защищая его, Алексей готов отдать жизнь, но долг может потребовать от него больше: раскол между императором и его наследником все глубже, и сохранить верность можно только одной стороне. Все ближе грань веков: время, когда до предела истончается барьер между человеческим миром и миром тьмы. Сможет ли Алексей отвратить неотвратимое? И главное – сможет ли не потерять себя?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-251596-5

© Лилит Э., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

I	6
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	28
Глава 5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Элиот Лилит

Тьма у трона

© Лилит Э., текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

I

Чума

Глава 1

После победы

Великая княжна Александра уехала на следующий день. Куцая вереница следовавших за ней бесогонок была столь малочисленна, что недотягивала даже до отряда: многие пали в бою, других – смыла волна возмущения, прокатившаяся по высшему обществу. В ночь, когда благородные семейства сбивались в кучу за закрытыми дверями особняков или в полутемном прибежище церквей, ни у кого бы не вышло скрыть свое отсутствие. Те, кто, несмотря ни на что, вышли защищать город, раскрыли свою тайну так же верно, как те, кому в пылу сражения не повезло потерять двухцветную маску. Семьи всеми силами старались держать слухи в узде, но те все равно разлетались со скоростью лесного пожара, и множество молодых девиц уже «изъявило желание» удалиться в монастырь или далекое провинциальное имение. А уж сколько оказалось под домашним арестом, можно было только гадать. Те же, кто последовал за Александрой, уходили навсегда. Как и она сама.

Граф Пален вошел с известием об отъезде Александры, как раз когда Алексей кончал зачитывать составленный Толем рапорт о потерях. Император помрачнел так, что стало ясно: до последнего не верил, что дочь в самом деле уедет.

– Ну хорошо же, – процедил он. – Посмотрим, как ей понравится общество замшелых московских стариков или нравы тех, кто живет в глубинке.

Алексей дочитал рапорт. Здесь не было фамилий, только числа. Но за каждой цифрой скрывались надгробие, раздавленная горем семья и дыра в строю. Затыкать эти дыры было нечем.

Император словно прочитал его мысли.

– Скоро вернутся войска фельдмаршала. Первый Консул великодушно пообещал, что и захваченных пленных вернет без выкупа. До тех пор обойдемся подкреплениями из ближайших городов и гвардией.

– Ни в гвардии, ни в войсках за границей нет бесогонов, – заметил Алексей.

– Знаю. – Император отложил перо, которым подписывал бумаги, пока слушал рапорт, и потер виски. – Но с главной угрозой покончено, мы можем позволить себе сократить число патрулей, а гвардия сейчас важнее бесогонов. Цесаревич вчера верно сказал: союз с Францией не понравится многим.

– Вы слишком плохо думаете о своих подданных, ваше величество, – добродушно возразил Пален. На его дружелюбной медвежьей физиономии сияла особенно приятная улыбка. – После такой победы вас будут возносить до небес. Вам бы теперь устроить огромное торжество, чтобы еще больше укрепить этот радостный дух...

Император скривился.

– О каком торжестве может идти речь, когда я потерял двух дочерей и столько хороших людей?

От того, как он ставил Александру в один ряд с погибшей Еленой, Алексею стало не по себе.

– Разумеется, выдержать траур необходимо, – не смутился Пален. – Я понимаю, что сейчас вашему величеству противны мысли о веселье, но нужно ведь думать и о том, как сохранить этот добытый кровью мир.

Император со вздохом отбросил поднятое было перо.

– Тогда вы этим и займетесь. Но не раньше, чем через две недели.

Пален почтительно поклонился.

* * *

Несмотря на исключительные обстоятельства, утренний развод войск проходил как всегда. Александр из-за своего ранения был освобожден от обязанностей, но с Константина и прежде дотошный донельзя император спрашивал даже строже обыкновенного, распекая Измайловский полк за мельчайшие оплошности. Великий князь кривил губы, но не отвечал – понимал, что пререкаться с отцом себе дороже.

Аркадий Нелидов, адъютант императора, сегодня держался от него на еще более почтительном расстоянии, чем обычно. Несчастный юноша был бледен и то и дело нервно оглядывался, точно боясь, что его в любую минуту могут арестовать и отправить на гауптвахту. Император же брата своей изгнанной фаворитки не замечал вовсе.

Вчерашние мысли и разговоры теперь казались Алексею блажью. Все осталось прежним: пасмурным и тягостным. Солнце было скрыто непроницаемым пологом туч. Шрам от Разлома исчез. Жизнь вернулась на круги своя.

Когда со смотром было покончено, император велел подать лошадей и бросил Алексею:

– Проедьтесь со мной. Хочу посмотреть, что случилось с городом, но без топчущего позади охранного эскорта.

На первый взгляд казалось, что город живет своей жизнью, будто вчерашнего и не было. Прохожие спешили по делам, колеса карет и копыта лошадей месили снег. Офицеры и чиновники, знавшие императора в лицо, выскакивали из экипажей, чтобы отдать ему должные почести, простые же люди не признавали государя во всаднике в простом военном мундире и продолжали думать о своем. Но чем дальше они ехали, тем отчетливее Алексей понимал, что царившее вокруг спокойствие обманчиво. Многие лица покрывала засохшая корка горя и страха, да и полоумных оборванцев, скитавшихся по переулкам, как будто стало больше. И взгляды у всех были какие-то ошалевшие... Бесов простые люди не видели, но, как кошки, чуяли в воздухе что-то темное и тревожное, так что едва ли кто-то из них спал спокойно прошлой ночью. И конечно, там, где разломные твари в первую же минуту смели солдатские заслоны, они принесли на своих крыльях смерть. Приказ горожанам скрываться в церквях был отдан, когда битва уже началась, так что Алексей не сомневался: ближайшие к разлому дома доверху набиты обугленными трупами. Хорошо хоть он больше не комендант – пусть Пален с Долгоруковым разбираются, куда девать все эти тела.

И все-таки кое-где нет-нет да раздавались радостные восклицания. Из распахнутых дверей трактира донесся громогласный тост за здоровье императора, божьей силой спасшего их от французских нехристей. Откуда те взялись посреди столицы, оратор умалчивал. Император, услышав это, усмехнулся.

– Если мы вчера еще и каких-то французов побили, то надо в этом месяце выдать солдатам двойное жалование. Проследите за этим, граф.

Алексей до того не привык к новому титулу, что чуть было не закрутил головой в поисках того, к кому его величество обращался.

Они свернули к реке, и лошади зацокали по камням набережной. Редкие льдинки пухли на Мойке, как сгустки жира в бульоне. Не отрывая глаз от воды, император сказал:

– Граф Орлов вчера погиб.

Алексей востропнулся.

– Разве он участвовал в битве?

– Не должен был. Когда-то он учился в вечернем классе, но при моей бабушке и уж тем более при матери силой в черно-белую гвардию никого не тащили. Ну а я не желал видеть в своих войсках убийцу моего отца, да и стар он уже был для военной службы. – Император прикрыл глаза, такие же серые, как наледь на плитах набережной. – Они с дочерью были в фамильном особняке, нашли убежище в домово́й церкви. Но когда бесы вырвались из разлома, Орлов выбежал на улицу со шпагой и погиб в бою.

– Это... храбро, – сказал Алексей, хотя, возможно, правильнее было сказать «глупо». Что взбрело в голову цареубийце, чтобы тот решился на такой самоубийственный поступок? Неужели искал искупления грехов?

– Храбро, – не стал спорить император. – Прожить жизнь достойно он не сумел, но хоть умер доблестно. Только дочь его жаль. Тяжело это – стоять на похоронах своего отца.

Алексей сглотнул. Он это испытал на своей шкуре.

Император обернулся к нему:

– Покажите-ка вашу шпагу.

Алексей недоуменно повиновался.

Император, придержав лошадь, наклонился, разглядывая клинок. Щелкнул по нему пальцем, прицокнул языком.

– Заряда в ней почти не осталось. Вам нужна новая – эта в любой стычке может не выдержать.

Алексей подскочил в седле.

– Не может быть, чтобы уже! – вырвалось у него.

– Вы сами знаете, дольше четырех месяцев холодное оружие из освященной стали обычно не служит. То, что эта шпага не подводила вас так долго, заслуга всех церквей и соборов, где ее освящали. Но даже у такой мощной закалки есть срок.

– Но... – Алексей чуть было не брякнул «но она же особенная!». Да, шпага была особенной – для него. От этого она не поднималась над законами природы.

Император взглянул в его искаженное лицо.

– Чего это ты? Уж для тебя-то сыщем шпагу не хуже. А если Мальта снова станет нашей, то, может, оттуда пришлют что-нибудь особо выдающееся.

Сокровища госпитальеров Алексея не интересовали.

– Ничего, ваше величество, просто... Эта шпага мне столько раз жизнь спасала, обходиться без нее будет трудно.

– Разве это причина? Оружие на то и оружие, чтобы жизнь хозяину спасти, а как изнашивается, пойти на переплавку. Если дело только в этом...

– Не только, – выдавил Алексей сквозь душасщее смущение. – Это подарок вашего величества. Он мне очень дорог, и мне нравится иметь его при себе.

Секунду император молчал. Потом его глаза довольно блеснули.

– Ну так бы сразу и сказал, – приподняв уголки губ, он вернул Алексею шпагу. – Тогда посмотрим, что можно сделать. Церковь повторным освящением не занимается, но я спрошу у графа Литте – быть может, у госпитальеров есть свои способы.

Алексей вложил шпагу в ножны и послал лошадь вслед за тронувшимся в путь императором.

«Нелидова права, – подумал он, чувствуя, как распирает грудь молчаливая светлая благодарность. – Конечно же, он добрый – даже от таких мелочей не отмахивается...»

Если бы только его величество с Александром верили друг другу больше...

Когда на обратном пути лошади миновали Дом вольного экономического общества, рядом остановился едущий мимо экипаж. Алексей ожидал привычного ритуала приветствия, но выпрыгнувший из кареты мужчина крикнул:

– Ваше величество, я вас весь день ищу!

Это был лорд Уитворт.

Они остановили лошадей. Если смотреть на него с седла, английский посланник уже не казался таким высоким и напыщенным. Надменную чванливость сегодня заменяло взволнованное раздражение.

За его спиной в глубине кареты сидела женщина с надменно вздернутым подбородком, и не подумавшая вылезти вслед за своим спутником. Приглядевшись к ее точеному профилю, Алексей признал госпожу Жеребцову.

– Искали? – удивился император. – Зачем? Вы забыли, как испрашивать аудиенции?

Уитворт ответил хмурым взглядом.

– Если слухи правдивы, генерала Бонапарта вы не заставляли испрашивать аудиенции.

– Первого консула Бонапарта, – поправил император. – Согласитесь, правители стран общаются между собой по иным правилам. Но говорите, если вам так угодно. Я слушаю.

Уитворт подождал, не сойдет ли император на землю, но тот остался в седле. Помрачнев еще сильнее, Уитворт вздернул подбородок.

– Так это правда? Ваше величество заключили мир с Францией?

– Официального объявления еще не было. – Император поднял глаза к пасмурному небу. – Но если вам так важно знать, да. Боевые действия будут прекращены, а наша армия – возвращена назад. Господин первый консул оказал мне неоценимую услугу, я считаю своим долгом ответить ему той же любезностью.

– И вы так запросто нарушаете прежние договоренности? – Уитворт точно не верил своим ушам.

– Я нарушаю договоренности? – император сверкнул глазами. – Страны коалиции не оказали моим заграничным войскам и десятой доли поддержки, которую обещали! А уж вам и вовсе легко говорить – вы, англичане, разбрасываетесь золотом, но не людьми. Если думаете, что, отсиживаясь на своем острове, можете попрекать меня тем, что я недостаточно усердно воевал, вы так же глупы, как госпожа Жеребцова, которая думает, что я не разгляжу ее в полумраке этой кареты. Вы, Ольга Александровна, верно, забыли, как полагается приветствовать своего императора?

Силуэт в карете вздрогнул, и из сумрака вынырнула женщина, облаченная в серебристое платье из дорогого шелка. На ее лице одновременно читались опаска и приторная любезность. Ступив на талый снег, Жеребцова присела в глубоком реверансе.

– Извините, ваше величество, – выдохнула она, хлопая ресницами. – Я задремала прямо в карете, можете себе это представить?

– Очень неосмотрительно с вашей стороны, – заметил император без улыбки. – Правила одинаковы для всех. Я вправе приказывать арестовать вас за неуважение к государю.

Жеребцова побледнела. Мимо как раз проходил отряд гвардейцев, пришедших сменить караул.

– Вы, надеюсь, шутите, – вмешался Уитворт, хмурия брови. – В Петербурге теперь и женщин на гауптвахту отправляют?

Его величество ведь известен своими легкомысленными остротами...

– Отчего же не отправлять? Женщины – такие же мои подданные, как и все прочие. Или Ольга Александровна успела принять подданство Англии?

Выпад был лишен изящества, но Алексею и самому порядком надоело коченеть под зимним ветром. Ладно бы ради чего полезного, а тут – чванливый англичанин да сестра проклятых

Зубовых, которая в ногах у его величества валяться должна за то, что тот не выслал ее вместе с братьями. И у них еще хватает наглости изображать оскорбленное достоинство...

– О нет, – отрывисто произнес Уитворт. – В том, что вы не делаете скидок женщинам, я имел возможность убедиться еще вчера.

Алексей не сразу осознал, что именно тот имеет в виду, но когда понял – несколько секунд был уверен, что император сейчас же затопчет английского посланника насмерть.

Вместо этого тот, сузив глаза, крикнул:

– Господа гвардейцы!

Патруль тотчас повернулся, готовый исполнить любое повеление. Император холодно улыбнулся.

– Будьте добры арестовать госпожу Жеребцову. Я начинаю подозревать ее не только в неуважении к государю, но и в опасных связях. Поручите ее заботам полицмейстера Чулкова.

Не дожидаясь ничьей реакции, он пустил лошадь к дворцу. Алексей поскакал следом. За спиной слышались шумные препирательства, но едва ли они могли чем-то помочь. Оглядываясь Алексей не стал, однако от вопроса не удержался:

– Ваше величество, вы в самом деле собираетесь посадить ее в крепость?

Император поморщился.

– Разумеется, ее отпустят еще до ночи. Но если она хоть вполовину так же труслива, как ее братья, это отучит ее клевать носом рядом с императорским дворцом. Я дурак, что сразу не избавил себя от всего их семейства. – Он помрачнел. – А может, я дурак, раз на пятом десятке, уже вступив на престол, не могу забыть обиды, нанесенные мне в угоду моей матери. И как тут быть великим государем, если так и так окажешься шутом?

Алексей не сдержал удивления.

– Никто не посмеет назвать ваше величество шутом ни за проявленное милосердие, ни уж тем более за то, что вы не прощаете мерзавцам старых прегрешений!

– Да какие там прегрешения? – император фыркнул. – Так, мелкие пакости. Самому смешно от того, что до сих пор помню, как однажды имел неосторожность согласиться в чем-то с Платоном Зубовым, а тот всему столу объявил, что в таком случае, должно быть, сморозил страшную глупость. Такое незачем помнить, а я помню. Разве не глупо?

– Я вашему величеству не судья, – Алексей отвел глаза. – Но я вот помню в лицо каждого, кто поколачивал меня в кадетском корпусе.

«И слишком многие из них – все еще живут припеваючи».

– Да? – заинтересовался император. – А прогнал бы ты их всех со службы, будь это в твоей власти?

– Нет, ваше величество. – Они подъехали к крыльцу и спрыгнули в слякоть. – Если люди толковые – пусть гнут спины.

«И смотрят, как высоко вознесся я».

– Да были б толковые, – хмыкнул император.

И зашагал к лестнице.

Своих покоев цесаревич не покидал, на обедах и ужинах не присутствовал. Алексей надеялся, таковы были распоряжения лекаря, а не императора, но спрашивать, так ли это, боялся. Выходило, что осведомиться о здоровье Александра можно было только лично, но дел навалилось столько, что улучшить минутку удалось только через неделю.

Александр сидел в кресле и читал что-то в бледном свете туманного дня. Больная нога покоилась на бархатной подушке, и приветствовать гостя ему пришлось сидя.

– Ты все-таки обо мне не забыл, – Александр улыбнулся, но как-то вяло. Может, лекарь поил его дурманящими снадобьями. – Садись, что на пороге стоять? Можем вместе почитать.

Алексей опустился на соседнее кресло и заглянул в дряхлую рукопись, поглотившую внимание Александра.

– Что это?

– Протокол допроса царевича Алексея. Видишь? Здесь подписался Петр Андреевич Толстой и сам Петр Великий.

– Зачем вы это читаете?

– Его величество прислал, – улыбка Александра трещала по швам. – С припиской, что из этого чтива я извлеку больше пользы, чем из трагедий Вольтера. Пока что извлек только то, что под пытками из человека можно вытащить любое признание.

По загравке прошелся холодок. Алексей открыл рот, чтобы подобрать оправдание, но не сразу нашел. Даже если это шутка, то слишком злая.

Помявшись, он выжал:

– Его величество просто предостерегает вас от новых необдуманных поступков. Вы же знаете, он никогда бы не поступил с вами так, как Петр Великий – со своим сыном. Да и Тайная Экспедиция уже не пытается людей.

Чего уж там, хотя вначале своего правления император велел установить на площадях виселицы – мрачное напоминание для тех, кто помышляет нарушить закон, – за эти два с половиной года никого еще не приговорили к смерти. Нет, император бы никогда...

Александр стеклянно рассмеялся.

– Какой хороший воспитательный прием. Странно, что бабушка не включила его в свое наставление о том, как полагается воспитывать детей.

– Ваше высочество...

– Не зови меня так! – Александр сам вздрогнул от своего резкого тона. Закрыв лицо рукой. – Господи... И зачем только он отменил указ о престолонаследии? Сделал бы цесаревичем Константина или Николая, а меня бы оставил в покое. Можно подумать, я хочу править! В гробу я видел и престол, и все эти придворные интриги.

– Александр Павлович, – голос Алексея до того не подходил для ласковых увещаний, что он сам поморщился. – Вы слишком близко к сердцу принимаете слова, которые ваш отец сказал в гневе, в самый тяжелый день своей жизни.

Александр отшвырнул рукопись, будто ядовитую гадюку.

– Мне это прислали не в тот же день, – процедил он. – Графа Строганова не в тот же день отослали с дипломатической миссией. Александра уехала не в тот же день. И ты не заметил, что матушка с Куракиным все еще не возвратились из Гатчины?

– Потому что в городе пока небезопасно. Даже фасад дворца еще кое-где осыпается. Я бы тоже повременил возвращать сюда супругу с маленькими детьми.

Александр поморщился.

– Ты сам знаешь, что дело не в этом. Так никто не выскажет ему, что думает. И за меня некому вступить.

Алексей устал повторять одно и то же.

– Вы так говорите, будто вас уже арестовали и готовятся заключить в крепость. Вам запрещено покидать покои?

– Моя нога мне запрещает.

Значит, нет.

– И, судя по тому, как хорошо вы осведомлены, кого куда отправляют и не отправляют, гостей к вам тоже пускают свободно.

– Некоторых – лучше бы не пускали, – буркнул Александр. – Граф Панин, кажется, вообразил себя моим новым лучшим другом. Все ходит справляться о моем самочувствии. Решил, что нашел во мне собрата по галлофобии.

– Так почему вы ведете себя так, будто вас держат в застенках Петропавловской крепости?

На лице Александра застыла тоска.

– Ну конечно ты во всем с ним согласен.

В этом дворце с тысячью ушей даже простое «не во всем» могло стать для Алексея роковым. Он вздохнул.

– Это правда, я слуга своего императора. Но еще я ваш друг. Мало кто желает мира между вами двумя так, как я. И если я верю, что еще не поздно все исправить, неужели не верите вы?

Грустная улыбка коснулась губ Александра.

– Кроме веры, мне ничего другого и не остается.

Сегодня он куда меньше походил на ангела и куда больше – на понурого щенка. Даже захотелось встрепать ему волосы, будто он не наследник престола, а его младший брат.

– Не горюйте, Александр Павлович. – Алексей поднялся с кресла. – И ради всего святого, почитайте что-нибудь не такое мрачное. Хотите, пришлю вам что-нибудь по военной тактике?

Глава 2

Черная хворь

Народные гулянья развернулись с таким размахом, что даже стали поговаривать о возвращении екатерининского века. До Рождества оставалось еще несколько дней, но горожане высыпали на улицу в ярких нарядах и незатейливых украшениях. Никто уже не ныл о запрете шляп, жилетов и особенных сочетаний цветов. Все хотели лишь одного: сбросить гнет минувшего ужаса и навсегда о нем позабыть.

Проезжая с утра по городу, Алексей всюду видел веселые лица, покрасневшие от мороза и горячительных напитков. Оскальзываясь на льду, носились друг за другом ребята. За ними, заливаясь возбужденным лаем, рысили собаки. Тут и там торчали припорошенные снегом еловые ветви: кто-то прилаживал их на запятки карет, кто-то – к торцам крыш, кто-то – в пустующие зимой навесные горшки, заботливо укрепленные металлическими решетками в соответствии с последним указом императора. Даже о таких мелочах, как падающие на головы прохожих горшки с цветами, его величество находил время позаботиться... Впрочем, сейчас большую угрозу несли сосульки, всюду нависшие ледяными гроздьями. Однако Алексей, сам побывавший комендантом, понимал, что борьба с ними – сизифов труд, и не спешил пенять Долгорукову за нерадивость.

Торжественный прием в Зимнем дворце был столь большим и важным событием, что не явиться было нельзя, даже если внимания требовали дела позначимее. Пока не был назначен новый директор кадетского корпуса, взять на себя обязанности покойного генерала Мелиссино пришлось Алексею. Прежде бросить дела в училище на самотек до назначения нового директора считалось нормальным, но Алексей слишком хорошо помнил истаявшего отца и пронизывающий до костей холод.

Так что теперь к уже привычным стопкам бумаг на столе ежедневно прибавлялась еще одна. Следовать своему правилу становилось все труднее – полезная для государства привычка выносить решения по всем вопросам в день их поступления плохо сказывалась на здоровье. Алексей снова чудовищно недосыпал: приходилось выбирать между черными тенями под глазами и насквозь черной радужкой. Пока он удерживался и не жег бесовскую энергию напропалую – не хватало снова впасть от нее в зависимость. Но наваливавшаяся по вечерам тупая усталость была немногим лучше прежней чудовищной слабости.

В зале, мерцающем тысячей свечей, и шагу было не ступить, ни с кем не столкнувшись. Дамы в роскошных платьях тянули улыбки, военные в строгих мундирах чопорно раскланивались друг с другом. И все всех поздравляли, хотя половина и повода сегодняшнего торжества не понимала. Рождество? Нет, оно не сегодня. Достижение цесаревичем двадцати двух лет? Нет, ходят слухи, что тот едва ли не под арестом. Новая победа фельдмаршала? Нет, с Францией, кажется, заключен мир. Но большинство поводом и не интересовалось: посудачить да повеселиться, раз император в кои-то веки позволяет, – чем не повод?

Алексей напрасно искал среди беседующих и танцующих вельмож хоть кого-нибудь, с кем хотелось бы заговорить. Отсутствие императрицы, великих княжон и главного придворного весельчака Куракина бросалось в глаза не меньше, чем пустое место рядом с Елизаветой Алексеевной. Супругу цесаревича развлекал беседой Адам Чарторыйский, но, сколько Алексей ни вглядывался, других молодых друзей наследника он не увидел.

Алексей неуютно поежился. Неужели Александр прав и император намеренно отставляет от двора близких сыну людей? В то, что выслали не только известного своими якобинскими симпатиями Строганова, но и живущего в его доме Новосильцева, Алексей еще мог поверить, но Кочубей был племянником и воспитанником князя Безбородко – его так запросто не уберешь. Правда, и самого канцлера Алексей в последние недели не видел...

Нелидовой, разумеется, тоже не было. Алексей заметил только ее брата, неприкаянным призраком шатавшегося по залу. Как это бывало со всеми, кому со дня на день предрекали опалу, вокруг бедняги разрастался пузырь отчуждения, ведь императорская немилость, подобно заразному недугу, могла перекинуться на людей по соседству.

Незнакомых лиц тоже хватало: многих военных перевели в Петербург по службе – восполнять понесенные в битве за город потери, а другие хотели узнать, отчего в столице давеча поднялся такой переполох. Полно было и назначенцев, заменявших тех, кого его величество отставил со службы за нерадивость. Украдкой шутили, что так недолго и людям в стране закончиться, но Алексея эти шутки раздражали. При покойной императрице бездельники и лизоблюды годами сидели на незаслуженных постах, так что пусть уж лучше все всех сменяют, пока не подберутся достойные люди.

– Кого-то потеряли, граф?

Алексей вздрогнул – совсем не заметил вставшего рядом графа Ростопчина. Возвращенный из отставки за пару недель до решающей битвы, тот не замедлил вернуться к чванливым манерам тайного советника и теперь картинно покачивал в изящной руке бокал вина.

– Князя Безбородко что-то не видать, – процедил Алексей, невольно подобравшись. Еще со времен Гатчины он привык ждать от Ростопчина только подколок да завуалированных насмешек.

Но тот окинул зал беглым взглядом.

– Действительно. Я его с той ночи не видел. Значит, болен или в немилости – это сейчас одно и то же.

Алексей забыл, что хотел ответить, – его отвлекло происходящее на другом конце зала. Императору воодушевленно говорил что-то статный мужчина, за руку которого держалась черная девушка в малиновом платье. Император выслушивал мужчину с необыкновенной благосклонностью – Алексей видел это по наклону его головы. Потом и вовсе рассмеялся, сказал несколько слов и повернулся к спутнице мужчины. С улыбкой протянул ей руку. Девушка с готовностью оперлась на нее, и под грянувший виток мелодии пара поплыла в медленном танце.

– Это еще кто? – Алексей не потруился изгнать из голоса неприязнь.

Ростопчин прищурился.

– Дочь Петра Васильевича Лопухина. Он московский сенатор, а ее многие называют самой прелестной девицей в старой столице. Впрочем, это, разумеется, вопрос вкуса.

«И что же этот Лопухин здесь забыл?»

Но мысли Ростопчина уже были о другом.

– Смотрите, вон граф Пален. У него и спросим о судьбе нашего дражайшего канцлера. Петр Алексеевич! Вы, случайно, не знаете, что случилось со светлейшим князем?

При виде повернувшегося к ним осанистого губернатора Алексей внутренне поморщился. Этого еще не хватало...

– С князем Безбородко? – Пален одарил их обоих дружелюбной улыбкой. – Я слышал, ему нездоровится.

И вечно он все про всех знает...

– Ах вот оно что, – на лицо Ростопчина напозла скука. – А мы-то с графом Аракчеевым уже решили... – он не закончил, оставив конец фразы зловеще болтаться в воздухе.

– О многом начинаешь думать по-другому, когда живешь под девизом «memento mori», – загадочно улыбнулся Пален. – Так вы все о светлейшем князе? Мне показалось, вы обсуждали господина Лопухина.

– Да, граф спрашивал, кто он.

– Это наш новый генерал-прокурор. – Алексей ненавидел, когда Пален пытался заглянуть ему в глаза. Так игнорировать его становилось сложнее. – Могу вас представить, если хотите.

Алексей открыл рот, чтобы отказаться, но тут в дверях зала появился граф Кочубей. Впервые в жизни Алексей обрадовался его появлению – все-таки Александр ошибался.

К его удивлению, Кочубей направился прямо к ним.

– Виктор Павлович! – с улыбкой приветствовал его Пален. – Как здоровье вашего дядюшки?

Лицо Кочубея было бледным и блестело от пота.

– Он очень плох. Мне нужно немедленно поговорить с его величеством. Не могли бы вы попросить его уделить мне немного времени?

Пален с Ростопчиным переглянулись. Отрывать его величество от празднества, когда тот, кажется, неплохо проводил время, могло быть чревато непредсказуемыми последствиями. Но что-то в напряженном лице Кочубея подсказывало: дело важное. Тогда не докладывать еще опаснее...

Алексей решил.

– Я спрошу, не угодно ли его величеству вас выслушать.

Не дожидаясь ответа, он подошел к краю периметра, внутри которого вертелись танцующие. Вот танец закончился, но, вопреки надеждам Алексея, император не спешил уходить из центра зала. Пришлось самому проталкиваться сквозь милующиеся парочки, ловя недружелюбные взгляды и шепотки: «опять этот бес!» По чистой случайности Алексей едва не задел плечом держащую под руку лорда Уитворта Жеребцову. Та глянула с брезгливым отвращением. Алексей оскалился в ответ. Выходит, недавние злоключения так и не сбили с нее спесь...

Император, не замечая никого вокруг, с улыбкой выслушивал лепет своей партнерши, восторгавшейся красотах Зимнего дворца. Когда Алексей продрался к нему, он как раз отвечал:

– Вот увидите, мой новый замок, когда его достроят, понравится вам не меньше.

Потом заметил Алексея, недоуменно вскинул брови:

– Алексей Андреевич, вы же, кажется, не танцуете.

И почему все так уверены, что он не умеет танцевать?..

Не дожидаясь ответа, император зачем-то решил его представить:

– Анна Петровна, это граф Аракчеев, мое доверенное лицо.

Ручка Лопухиной взлетела к губам.

– Это его все называют бесом?

Алексей, уже решивший, что лицо у нее глуповатое, пришел к выводу, что не только оно. Чем же она заинтересовала императора, если не остроумием? Чернобровая и чернокудрая, девица была недурна собой, но у нее не было ни величественности Марии Федоровны, ни непринужденной грации Нелидовой.

Император усмехнулся.

– Не слушайте злых языков. Человека честнее вы не найдете.

– А как же ваше величество?

Император на это только улыбнулся и снова перевел взгляд на Алексея:

– Алексей Андреевич, вы что-то хотели?

– Да, ваше величество. Граф Кочубей желает с вами говорить.

– Ах, граф Кочубей, – губы императора поджались. – Мало ли, чего он хочет. Сейчас разгар праздничного вечера. Кажется, друзья его высочества берут с него пример и начинают позволять себе слишком многое.

Алексей неуютно поежился.

– Я не думаю, что дело в этом, ваше величество. Кажется, что-то неладное с князем Безбородко. Не думаю, что он при смерти, но...

– Да хоть бы и при смерти, – император досадливо тряхнул головой. – Я император, а не духовник светлейшего князя. У меня подданные каждый день умирают, он не особенный.

На этом следовало остановиться, но что-то толкало Алексея вперед. Он надеялся, передавшаяся от Кочубея тревога, а не раздражение на то, как быстро император нашел новую фаворитку.

– Он показался мне очень встревоженным, ваше величество. Больше, чем если бы его дядя просто умирал.

Снова заиграла музыка. Император махнул рукой.

– Тогда пусть подождет. Идите и передайте ему это.

Алексей смиренно поклонился и пустился в обратный путь.

Весь танец Кочубей переминался с ноги на ногу, изнывая от нетерпения. Когда закончили играть музыканты, император возвратил свою партнершу в руки заботливого родителя и лишь тогда подошел к их небольшой группе. Кочубей тут же метнулся к нему.

– Ваше величество! – Его не смутили ни холодный взгляд, ни насмешливый изгиб губ императора.

– Что у вас?

Кочубей заговорил так тихо, что вряд ли стоявшие рядом с Алексеем Пален и Ростопчин разобрали хоть слово:

– Ваше величество, с моим дядей что-то совсем неладное. Это не простая болезнь, это... какая-то бесовщина! У него по всему телу пошли черные пятна. Лекари ничего не понимают. Он три дня уже не приходил в сознание, но сегодня вдруг очнулся и принялся звать ваше величество.

С каждым новым словом император мрачнел. Будто позабыв и про бал, и про неприязнь к друзьям сына, он быстро кивнул.

– Я поеду с вами. Господа, составьте мне компанию.

Дом Безбородко ни капли не изменился: все та же гранитная набережная, сдерживающая натиск темной воды, те же бледные стены, те же сжимающие в челюстях цепи медные львы. В прошлый раз пробираться сюда пришлось тайком, сегодня – они вошли парадным ходом, в сопровождении двух десятков гвардейцев. Тех оставили у входа в покои князя – зрелище было не для чужих глаз.

Единственный канделябр едва освещал спальню. В щель приоткрытого окна сочился мороз, но он не мог прогнать затхлый дух болезни. Изредка налетавший ветер трепал пламя свечей, и в неверном оранжевом свете тени зловеще плясали по стенам.

Кочубей первым подошел к постели умирающего. Император настороженно шагнул следом. Алексей, отлично видевший сквозь полумрак, и со своего места мог разглядеть беспамятного старика. Сведенные судорогой морщинистые губы раздвигались лишь для того, чтобы раз в десяток секунд прерывисто схватить воздух – и тут же с присвистом его выдохнуть. Лицо было бледно, лежавшие поверх одеяла руки напоминали окоченевшие лапки голубя. Но страшным было не то, что канцлер умирал – пускай заменить его и было некому, – страшными были темные подтеки, выступившие на коже десятком почернелых синяков. Алексей сглотнул. Он слишком хорошо знал, как выглядят ожоги тьмой.

– Покойная императрица выглядела почти так же, – заметил подступивший к постели Ростопчин.

Император искоса глянул на Алексея.

– Да, что-то есть.

Сердце подскочило к горлу, но император как ни в чем не бывало продолжил:

– Виктор Павлович, вы были при дяде, когда шла битва?

– Да, ваше величество. Мы были в Лавре с самого вечера. Собирались уйти с рассветом, но потом пришли вести о прорыве разлома, и мы остались там до самого конца. Вышли, только когда сказали, что опасность миновала.

Император не успел задать следующий вопрос. Глаза умирающего распахнулись.

Алексей невольно подступил ближе – не мерещится ли? Нет, в самом деле: радужку и даже белки затопила клубящаяся тьма, как будто в глазницах старика копошились жуки. Кочубей вскрикнул, Ростопчин отшатнулся. Рука императора метнулась к шпаге.

С морщинистых губ сорвался надтреснутый шепот:

– Ваше величество... – Один взмах век, и Алексей снова засомневался, правда ли видел то, что видел. Тусклые глаза канцлера снова были карими.

– Его величество здесь, – Кочубей снова склонился над дядиной постелью. – Вы хотели с ним говорить?

Безбородко его не слышал.

– Ваше величество... Завешание...

Император резко выпрямился. Отрывисто приказал:

– Выйдите. Все.

Алексей тоже было повернулся, но император поймал его за руку:

– Нет, вы останьтесь.

Последним вышел Кочубей, беспокойно оглянувшись и затворив за собой дверь. В опустевшей спальне Безбородко снова захрипел:

– Ваше величество... Государыня... Завешание... Вы не должны... Вы не видели...

– Да он не меня вовсе звал! – выдохнул император. – Он потерял разум. Но глаза, ты видел его глаза?

– Видел. Только... – Алексей замолчал. Взгляд Безбородко упал на него. Лицо старика искажил мучительный ужас.

– Ты! Ты...

Порыв ветра с лязгом грохнул створкой окна. Пламя свеч дрогнуло и потухло, все размылось тенистыми силуэтами – светили только далекие фонари снаружи да лунный свет отражался от сугробов внизу. Но Алексей видел: вместо глаз у старика снова разверзлись черные провалы.

Рука со скрюченными пальцами подскочила с одеяла, вцепилась в обшлаг императорского мундира.

– Ты будешь править коротко и умрешь бесславно, – проскрежетало нечто, не похожее ни на обходительный голос канцлера, ни на человеческий голос вообще. Слова бухали в тишине, тяжелые и чудовищные: – Ты утонешь в собственной осени, в своем вечном ноябре, и никогда не увидишь весну. Ты...

Алексей ударил по сухому запястью старика. Хватка ослабла, император с яростным ужасом выдернул из нее рукав. Под его кожей всколыхнулось холодное белое пламя, но не успел свет упасть на искаженное лицо Безбородко, как император отскочил в угол комнаты, рвано дыша и выставив перед собой шпагу. Алексей бы тоже схватился за свою, но сегодня пояс был пуст – драгоценное оружие было передано на попечение графа Литте.

Безбородко закашлялся. Алексей понял, что ударил не только рукой, но и тьмой, и теперь остатки жизненных сил стремительно покидали старика. Темнота вокруг постели сгустилась так, что даже Алексею пришлось отступить, чтобы не ослепнуть в ней.

С последним надсадным хрипом Безбородко затих.

Алексей обернулся. Рука императора все еще пылала, острие шпаги покачивалось в воздухе.

– Ваше величество?

Ответа не было, только судорожные вздохи. Алексей опасливо шагнул вперед, не сводя взгляда с лезвия. В отличие от обычного оружия, освященная сталь запросто могла отправить его на тот свет.

– Ваше величество, он умер.

На расстоянии выпада Алексей нерешительно застыл. В трепетном белом свете искаженное лицо императора казалось безумным.

«Он меня не ударит».

Затаив дыхание, Алексей сделал еще один шаг.

Медленно, словно продираясь сквозь густое болото, шпага скользнула обратно в ножны. Но белое пламя продолжало гореть. Неужели император...

Алексей стянул перчатку и потянулся вперед.

– Ваше величество, позвольте я...

– Не трогай меня!

Алексей отпрянул, как от пощечины.

Их взгляды встретились. Миг, и бушующее серое море замерло – как штиль, внезапно наступивший посреди яростного шторма.

– Дай руку, – глухо приказал император.

Алексей снова протянул раскрытую ладонь. Император до боли стиснул его пальцы, одним глотком вбирая всю гнездящуюся внутри тьму. Царский огонь побледнел и потух. Они остались в темноте. Иссякшее черное пламя больше не помогало видеть, и только по сжимавшей его ладонь руке и неровному дыханию Алексей мог определить, где стоит император, чтобы наклониться и спросить, тихо, в самое ухо:

– Вы больше не можете им управлять?

– Могу, – отрезал император. – Просто теперь это сложнее.

Ослабевшие было пальцы снова сомкнулись на руке Алексея – железно, до боли. Император прошипел:

– Но ни одной живой душе ты об этом не скажешь. Особенно моему сыну.

– Да, ваше величество.

Сейчас точно не время оправдывать Александра. Алексей не знал, чем провинился, но чувствовал, что одно неверное слово может поколебать доверие императора к нему. Не сейчас.

Император выпустил его онемевшую руку, вслепую нашарил на ночном столике спички и зажег светильник. Оранжевое пламя осветило застывшее тело канцлера Безбородко. Оно было обезображено черными разводами, расплзшимися по коже, как пятна гнили на фрукте.

Император прошел к двери и властно подозвал ожидавшую снаружи троицу. Кочубей, увидев дядю мертвым, оцепенел, но Пален и Ростопчин выглядели скорее озадаченными, чем опечаленными.

– Петр Алексеевич, – обратился император к Палену. – Вам докладывали что-нибудь о трупах, не обугленных дочерна, но выглядящих вот так?

Пален медленно моргнул.

– Такие донесения были, но очень немного, ваше величество. Не больше десятка.

– «Не больше десятка»? И почему же мне не доложили?

– Мы с комендантом Долгоруким сошлись на том, что это все равно, что обычные жертвы...

– Меня не волнует, на чем вы сошлись! – Потрясение императора с легкостью перетекло в ярость. – Вы должны докладывать мне обо всем, слышите? Иначе я в два счета найду кого-то более подходящего и на пост губернатора, и на пост коменданта!

Алексей бы позлорадствовал, не мелькну в голове вечный усталый вопрос: «Интересно, где?»

Пален с достоинством поклонился.

– Приношу свои извинения. Я лишь пытался сократить количество бесполезных донесений, зная, что вашему величеству и так приходится работать за четверых.

– Как видите, отличить полезное от бесполезного вам не удалось. – Однако гнев император понемногу утихал. – Где их находили? В тех же домах, что и остальных, сожженных бесами?

– Нет, ваше величество. Обычно их выносило на берег реки. Но нескольких мы нашли в проулках и тупичках, занесенных снегом.

– И что это были за люди?

– Бедняки в обносках, ваше величество. Находить их начали несколько дней назад, но из-за мороза сложно сказать, когда именно они умерли. Мы думали, что в день битвы, но, если их смертям предшествовала болезнь, как у светлейшего князя, может быть, они умерли позже, а на улицу их выбросили, потому что не нашли денег на похороны.

– Их еще что-нибудь объединяло? – подал голос Алексей. – Кроме черных отметин?

Пален устремил на него бесстрастный взгляд.

– В основном это были старики. И один младенец.

– То есть те, кого простые бесы выбирают своими жертвами, – заключил император. Нахмурившись, покачал головой. – Впредь докладывайте мне о каждом таком случае. Я хочу знать все. И предпишите городским лекарям уведомлять вас, если какие-то больные будут демонстрировать схожие симптомы.

– Он что-нибудь еще сказал? – полюбопытствовал Ростопчин, кивая на неподвижное тело. – Может, что-то о своем недуге?

Император сузил глаза.

– Нет. Зато сказал кое-что другое. – Он обернулся к Кочубею: – Граф.

Вздвогнув, тот поднял глаза.

– Да, ваше величество?

– Вы и все обитатели этого дома будете подвергнуты допросу обер-секретарем Тайной Экспедиции.

Кочубей отшатнулся.

– По поводу дядиной болезни? Я и вашему величеству или графу Палену все могу рассказать, зачем же здесь Тайная Экспедиция?

Император окинул его ледяным взглядом.

– Если бы моему прадеду кто-то сказал то, что я сейчас услышал от вашего дядюшки, вы все уже были бы на дыбе. Я же просто хочу, чтобы вы ответили на несколько вопросов. – Заметив, что Кочубей снова открыл рот, он повысил голос: – Ответили, а не задавали их! Слышите вы меня? Вы, кажется, опять забыли, что говорите со своим императором! Граф Пален и граф Ростопчин проследят, чтобы мои распоряжения были исполнены. Алексей Андреевич, пойдемте.

В обратный путь они пустились вдвоем, шурясь от летящих в лицо снежинок. Под копытами лошадей захрустел лед.

– Ваше величество, – осторожно позвал Алексей, когда они отъехали от особняка. – Вы думаете, то, что сказал князь Безбородко, в самом деле говорил он?

Император долго молчал, прежде чем ответить.

– А кто, по-твоему, мог это сказать?

«Тьма».

Этот простой ответ звучал безумно, но оказалось, что император и сам думал о том же:

– Если со мной говорила сама Изнанка, ничего хорошего это не сулит. Лучше бы Безбородко просто помешался. Вот только откуда он взял эту несчастную весну? До весны недолго осталось, два месяца с небольшим. Если тут заговор...

Алексей не мог не спросить очевидное:

– Но зачем светлейшему князю интриговать против вас? Он ведь и так был одним из самых влиятельных вельмож в империи.

Император фыркнул.

– Да ты, я вижу, совсем ничего не понимаешь в заговорах. Это хорошо, пусть так и останется. Правда, покойного князя я и сам бы не отнес к авантюристам – слишком умен он был для этого и слишком стар. Но вот его племянник...

Алексей похолодел. Неуверенно выговорил:

– Вы подозреваете его, потому что он друг цесаревича?

– А, что-то все-таки да понимаешь, – император скривился. – Никогда мне не нравился этот их кружок. Один бывший якобинец, другой участвовал в польском восстании, и все как один одержимы своими великими идеями просвещения. Но я не думал, что эти бездельники способны на что-то, кроме пустой болтовни.

– А теперь думаете?

– Теперь – уже не знаю. Но с Александра я глаз не спущу, можешь так ему и передать.

Алексей сморгнул налипшие на ресницы снежинки. Навалилась тяжелая муть. Неужели это он слепец, раз верит, что примирение отца и сына возможно?

Пересилив себя, Алексей заметил:

– По-моему, цесаревич очень тяжело переносит немилость вашего величества.

– В таком случае цесаревичу следовало заранее думать головой, – отрезал император. – Видно, я всем им позволял слишком много, раз даже мои дочери... И как приструнить целую страну, если собственные дети меня не слушаются?

Не дожидаясь ответа, он послал лошадь вперед, взрывая фонтаны снега.

В Зимнем дворце император сразу послал Кутайсова за генерал-полицмейстером и обер-секретарем Тайной Экспедиции. Алексей хотел было пойти к Александру, но потом рассудил, что чем позже тот узнает о приключившемся с его другом несчастье, тем лучше. Может, к тому времени граф Кочубей уже будет на свободе.

Развернувшись на полпути, Алексей направился к себе, но в коридоре столкнулся с неприкаянным Нелидовым. Генерал-адъютант был бледен, понур и смотрел в окно с таким видом, будто подумывал из него броситься. Завидев Алексея, он выдал вялое приветствие. Очень удивился, когда Алексей ответил тем же, и вдруг схватил его за руку.

– Граф, – пробормотал Нелидов, задышавшись. – Умоляю, скажите мне, решено уже?

– Что решено? – не понял Алексей.

– Обо мне. – Губы у Нелидова тряслись. – Не могу больше, еще немного, и с ума сойду! Никто со мной не разговаривает, и его величество ничего не говорит... Если ему угодно меня спровадить, почему не отправил меня вместе с сестрой?

Алексей нахмурился.

– А меня-то вы чего спрашиваете? Я его величеству не духовник и даже не секретарь.

– Но вы же все время с ним, вы должны знать! Алексей Андреевич, прошу вас, ради моей сестры, скажите мне, чего я могу ждать? – Несчастный едва не плакал.

Адъютантов его величества Алексей в основном недолюбливал – все они казались ему недостаточно надежными. Да и что это за дурь – к его дружеским чувствам к Екатерине Ивановне взывать?

Но дурь эта, к сожалению, работала. Если бы Алексей мог заверить Нелидова, что все образуется, он бы это сделал. Вот только стоит ли ждать милости от императора теперь, когда тот еще больше прежнего уверен, что стоит на секунду закрыть глаза, как вокруг сплетется паутина заговора?

– О планах на вас его величество мне ничего не сообщал, – Алексей постарался говорить не так резко, как обычно. – Просто не делайте глупостей и приносите пользу там, где можете. Его величество милостив к тем, кто проявляет усердие.

– Вы думаете? – Нелидов поднял к нему посветлевшее лицо. – Значит, не все еще потеряно?

Этого Алексей не говорил, но разубеждать Нелидова было бы жестоко.

– Поступайте по совести, и будь что будет, – посоветовал он со вздохом. Высвободил руку, хлопнул Нелидова по плечу. – Я должен идти, меня ждут дела. Мужайтесь, Аркадий Иванович.

В спину донеслось:

– Спасибо вам огромное! Я этого не забуду, Алексей Андреевич.

«Знать бы еще, хорошо это или нет», – устало подумал Алексей, не сбавляя шага.

Нелидова выслали из столицы через два дня.

Глава 3

Лазарет

В первую неделю наступившего года был дан большой праздничный парад. Он вышел бы еще значительнее, если бы дождались возвращения фельдмаршала из Европы, но, может, парад и нужен был для того, чтобы всем показать: даже так все по-прежнему на своих местах и идет своим чередом.

Так же, как населявшая Изнанку тьма порой казалась единым организмом, сплоченный строй шагающих в ногу солдат казался одним большим существом, живущим и дышащим ради одной цели – служить своему императору. Глядя на безупречные ряды вымуштрованных военных и слушая печатное кланье подошв по плацу, Алексей чувствовал себя спокойнее. И еще спокойнее – когда видел довольную улыбку его величества.

Все было правильно.

После парада император велел зайти к нему в кабинет. К досаде Алексея, воскресла его старая привычка всегда в себе сомневаться: первой мыслью было – что он сделал не так? Парад прошел безупречно, в делах Алексей за собой оплошностей не помнил... Вменить ему в вину можно было разве что короткий разговор с Нелидовым, но их никто не видел. Да и велик ли грех? В тот вечер отставленный генерал-адъютант еще не был официально объявлен нежелательным лицом.

Нет, бояться нечего – его совесть чиста. Вот только из головы не шло белое как снег лицо императора и его яростное: «не трогай меня!» Воспоминание донимало, будто ушедшая под ноготь заноза. В минуты гнева император многих ранил резкими словами, ничего необычного тут не было... Только Алексей уже слишком привык не считать себя одним из «многих».

«Ну и дурак», – подумал он, спешно шагая за императором. Незаменим в этой стране только один человек. Особенно нынче, когда на горизонте появился еще один Темный.

Теперь, когда все разломы были закрыты, а новое французское правительство было прочно занято расхлебыванием проблем, оставленных старым, император сообщался с Бонапартом только письмами. Но о чем они столько говорили в тот день, когда Первый Консул объявился на разрушенной Дворцовой площади? Мрачные предупреждения Германа и необъяснимый ужас Александра висели на душе тяжелой мрачной тучей.

Но в кабинете Алексея ждал приятный сюрприз. Прислоненная к письменному столу, в лучах пасмурного дня поблескивала его шпага. У Алексея вырвалось:

– Так быстро?

– Госпитальеры свое дело знают. – Император подошел к окну. – А до Гатчины ехать недолго.

Мальтийцы теперь обитали там, обжив возведенный специально для них Приоратский дворец.

– Напомнил бы кто об этом князю Куракину, – продолжал император. – Я послал за ним вчера утром, а его все не видать.

– Только за ним?

– Да. Я хочу понять, что происходит в городе, прежде чем возвращать сюда ее величество с детьми.

– Нашли другие тела?

– Только одно. Недалеко от Летнего сада наткнулись на околевшую старуху. – Император помрачнел. – Веришь ли, ту самую, что говорила с нами перед прорывом Разлома. Я ее узнал.

Алексей тяжело сглотнул.

Император подхватил с пола шпагу и протянул ему:

– Держи. Пусть служит во благо.

Благо... Доискаться бы еще этого блага, когда темные волны плещутся у самых ног.

Повинуясь порыву, Алексей опустился на колено, принимая древнее оружие. Император принял это как должное, но скользнувшая по губам улыбка говорила, что жест он оценил.

Из-за двери долетел смех. Тут же узнав голос Куракина, император встрепнулся:

– Ну наконец-то! Вот и мой бриллиантовый князь.

Но на пороге Куракин объявился не один. Позади него решительно шагала Мария Федоровна. Алексей поспешил поклониться, скрывая недоумение.

Император мигом растерял благожелательный настрой:

– Как это понимать?

Императрица страшно похудела – Алексей с трудом узнавал в ее бледном измученном лице прежнюю красавицу. Под глазами лежали тени бессонных ночей, но еще более глубокая тень – тень невосполнимой утраты – пряталась на дне зрачков. И без того невеселая улыбка императрицы после такого приветствия сделалась еще горше.

– Ваше величество теперь так встречает любящую супругу?

– Любящей супруге были даны четкие распоряжения, где ей следует находиться, – прошептал император. – А вы, Александр Борисович? Вас не смутило, что моими приказами пренебрегают?

Куракин, лучившийся лоском даже после долгой поездки в карете, примиряюще вскинул руки, но ответить не успел – Мария Федоровна его опередила.

– Александр Борисович, будь он теперь хоть трижды канцлер, не имеет права запрещать что-то императрице.

– Так же, как императрица не имеет права идти против воли своего мужа, – отрезал император, багровея. – Если, конечно, у нее за плечами не стоит гвардия, готовая замазаться в крови.

Алексею и так было не по себе: он ненавидел становиться свидетелем ссор в императорском доме, а тут стало попросту страшно. Довольно того, что император обрушил немилость на сыновей – Александр отсидится в своих покоях, а Константин утопит обиду в вине. Но Мария Федоровна – она ведь такая чувствительная...

Куракин всплеснул руками.

– Господь милосердный! Павел Петрович, что вы такое говорите? Какая гвардия? Мария Федоровна просто не может выносить разлуку с вами и тревожится за сыновей. Это правда, что цесаревич очень болен?

– Очень болен? – император фыркнул. – Да этот притворщик уже неделю мог бы бегать, просто ему нравится разыгрывать из себя мученика. Константин вам, кажется, так и написал.

Мария Федоровна ахнула.

– Вы вскрываете их письма!

– Конечно, я вскрываю их письма! – огрызнулся император. – Один влез в интригу с французской шпионкой, другой знал, что Александра и Елена впутались в полк Нелидовой, и ни слова мне не сказал. Прикажете мне за все это их по головке погладить?

Мария Федоровна нередко печалилась или сердилась, но впервые Алексей увидел ее в настоящем гневе. Она топнула ногой.

– Да что с вами такое?! Почему вы поступаете с нашими мальчиками так же, как с вами обходилась ее величество? Неужели ваши страдания вас ничему не научили?!

В гневе она перешла на немецкий, и резкие очертания лающих слов только усилили ее натиск. Император отшатнулся. По его лицу прошла судорога.

– Ваши упреки несправедливы и безосновательны, – голос императора скрипел морозом. – Я прощаю их вам только потому, что верю: в вас говорит горящая мать. Александр мой наследник, он им и останется, если не опустится до настоящей измены. Что до вас – вы сво-

ими необдуманными действиями рискуете не только навлечь на себя опасности, которыми еще полон город, но и подрываете мое к вам доверие. Прежде чем закатывать очередной скандал, извольте подумать об этом. – Его подбородок задрожал. Он дернул губами и махнул рукой: – Прочь из моего кабинета. Все.

Алексей охотно последовал за притихшим Куракиным и поджавшей губы императрицей.

Стоило им оказаться в приемной, Мария Федоровна залилась слезами. Алексей оглушенно замер, но Куракин, к счастью, поднатормел в таких делах побольше его.

– Ну-ну-ну, – подскочил он к рыдающей подруге. – Ваше величество, ну что вы в самом деле? Будто не знаете Павла Петровича! Он посердится и остынет, он просто очень огорчается, когда что-то не по его, с самого детства таким был. А помните, как он вам целую инструкцию написал, чего делать и чего не делать, когда вы должны были идти под венец? Разве такие вот причуды мешали ему любить вас все эти годы? Ну не горюйте так, у меня сердце разрывается.

Капли слез, которые Мария Федоровна роняла Куракину на камзол, искрились так же, как бриллианты, которыми был обвешан его наряд. Алексею Куракин никогда не нравился: шумный, бестолковый, нерасторопный, слишком близкий к императору... Но сейчас он молча порадовался – Марии Федоровне нужен был человек, который поддержит и утешит ее в эти непростые времена.

Сам Алексей не знал, куда себя девать. Уйти не попрощавшись нельзя, подать голос посреди такой сцены – тоже. К счастью, Мария Федоровна скоро взяла себя в руки и утерла глаза услужливо поданным Куракиным платком. Ее влажно блеснувшие глаза остановились на Алексее.

– Алексей Андреевич, вы видели, как умерла моя дочь?

Вопрос на мгновение его оглушил.

– Нет, ваше величество. Я защищал императора. – Александр все еще ни словом не упрекнул его за то, что, выбирая между отцом и сыном, Алексей выбрал его величество, но память об этом лишала произнесенные слова и чести, и сладости. – Я... очень соболезную вашей потере. Мне жаль, что я не смог сделать больше.

– Вы не виноваты, – Мария Федоровна покачала головой и снова всхлипнула. – Бедная моя девочка... Не знаю, за что нашей семье все эти испытания...

Алексей и сам задавался этим вопросом.

– Но как же он мог отослать Александру... – императрица будто говорила сама с собой. – Это чудовищно – все, что сейчас происходит. Правда, что Виктора Павловича держат в Секретном Доме?

Хоть здесь у Алексея были хорошие вести.

– Графа Кочубея отпустили сегодня утром. Ему не предъявлено никаких обвинений.

Другое дело, что формальных объявлений и не нужно – император мог отделаться от кого хочет под каким угодно предлогом, на то он и император. Но хоть не скажут, что его величество возводит на кого-то напраслину лишь потому, что этому кому-то не посчастливилось быть другом его сына.

– Ну слава богу. Александр, наверное, весь извелся от тревоги. Надо ему рассказать, если еще не знает. Александр Борисович, вы остаетесь?

– Да, я подожду здесь, пока Павлу Петровичу не будет угодно меня принять. – Куракин уже облюбовал мягкое кресло, в котором обычно считал мух бездельник Кутайсов. – Вы тоже возвращайтесь. Вот увидите, он уже забудет, что хандрил.

Выходило, что честь сопровождать императрицу выпала Алексею. Они неспешно направились в покои великокняжеской четы. Куда раньше, чем было способно обычное человеческое ухо, Аракчеев различил за запертой дверью взволнованные голоса.

– Ну неужели ты не можешь остаться? – это говорил Александр, да еще с таким жаром, какого Алексей от него давно уже не слышал. – Все еще может обойтись! Твоего дядю так уважали, уж конечно...

– «Уж конечно» что? – перебил другой голос – графа Кочубея. – Уж конечно, меня не отдадут Тайной Экспедиции во второй раз? Нет, Александр, извини меня, но сидеть здесь и ждать, когда подо мной земля разверзнется, я не могу, даже ради тебя. По-моему, его величество и при желании не смог бы намекнуть яснее.

Прозвучало еще что-то неразборчивое. Потом третий голос:

– Я тебя провожу.

Шаги, двери распахнулись. На пороге выросли Чарторыйский с Кочубеем: первый – со своей обычной каменной мордой, второй – страшно взволнованный. Увидев императрицу, оба застыли. Потом, спохватившись, поклонились.

– Ваше величество, – выговорил Кочубей. – Мы и не знали, что вы вернулись.

– Только сейчас. – Глаза императрицы еще были красными от слез, но она улыбнулась. – Вижу, вы торопитесь? Я вас не задерживаю. Спасибо, что не забываете о его высочестве.

Кочубей, смутившись, отвел глаза, Чарторыйский молча кивнул. Оба поспешили прочь. Алексей проводил их неприязненным взглядом. Императрица, позабыв усталость и печаль, подпорхнула к порогу.

Александр сидел все в том же кресле, но в этот раз – в обществе жены. Живот у Елизаветы Алексеевны уже заметно округлился – похоже, она сильно повременила с объявлением о своей беременности. Прежде молодые супруги за пределами формальных случаев почти не проводили друг с другом время, но то ли ожидание ребенка, то ли посыпавшиеся на голову цесаревича проблемы их сплотили.

Первым делом Александр впился взглядом в Алексея. Потом понял, кто стоит рядом, и усталая тревога слетела с его лица.

– Матушка! – Он хотел было вскочить, но Елизавета Алексеевна шикнула на него, и цесаревич остался в кресле.

Алексей, чувствуя себя лишним на семейном воссоединении, счел это лучшей возможностью откланяться. Последнее, что он увидел, прежде чем закрыть за собой дверь, как Мария Федоровна заключает сына в объятия.

Душу вдруг полоснула нестерпимая тоска по дому. Пальцы привычно нащупали висящий под рубашкой образок, который мать повесила ему на шею, когда Алексей впервые покидал родительский дом. И речи не могло быть о том, чтобы съездить в родные края, – слишком много обязанностей, да и разве может он уехать, когда отношения в царской семье так накалились?

«Твой дом теперь здесь».

Не в захолустном имении на берегу озера и не в пожалованном ему Грузино, даже не в отстроенном особняке на Мойке. Его жизнь была неотделима от службы императору, и хотя эта мысль наполняла гордостью, от нее веяло удушливой меланхолией. Алексей придумал только один способ привести расстроенные чувства в порядок – навестить вечером братьев.

Казармы, в которых размещался лейб-гвардии артиллерийский батальон, стояли погруженные в сон. Еще бы, часы показывали уже половину третьего, на дворе – кромешная тьма, но раньше вырваться просто не удалось. Натруженные глаза болезненно пульсировали, однако морозный воздух их немного успокоил. А когда Алексей походя впустил под кожу пролетавшего мимо беса, стало еще лучше.

Андрей ждал его у дверей, надежно защищенный от холода теплым зимним мундиром и бутылкой вина в руке. Алексей поморщился.

– Ты каждый день пьешь?

– А ты каждый день ворчишь? – Андрей криво усмехнулся. – Опаздывает на три часа и еще нотации мне читает. Я уже жалею, что у меня так быстро восстановился слух.

– Ты прекрасно знаешь, что я не ради удовольствия ворчу, – огрызнулся Алексей. – О тебе же пекусь. Его величество не терпит пьяниц. Если тебя во время службы на чем-то таком поймают, мало не покажется.

Обоих его братьев повысили в чине после одержанной победы, но падение Нелидовой всем напомнило, как непостоянна императорская милость.

– Я не дурак, чтобы меня поймали, – отмахнулся Андрей. – Пошли давай, разбудим Петю.

Казарменный лазарет, где опраивались от ранений солдаты и офицеры, был просторным и чистым, это было видно даже в свете одинокой свечи на столе дежурного лекаря. Император нередко навещался в казармы с инспекцией – проверял, всего ли у солдат вдоволь и оказывается ли им должный медицинский уход.

Большая часть коек пустовала. Прошло уже порядочно времени – раненные в битве или поправились, или отравились на тот свет. Но Петя умудрился вывихнуть ногу повторно, только вернувшись в строй, и теперь беззаботно храпел на ближайшей к окну кровати. Андрей бесцеремонно его растолкал. Петя сел, ословело хлопая глазами, но при виде Алексея расплылся в широченной улыбке. На душе потеплело.

– Мне сказали еще неделю лежать, представляешь? – пожаловался он, кивая на перевязанную ногу. – Да у меня уже и не болит ничего, хоть сейчас готов на маневрах бегать. Может, хоть ты им скажешь? Тебе-то побоятся «нет» ответить.

– Чтобы ты вывихнул ногу в третий раз? – Алексей уселся на соседнюю койку. – Нет уж, лежи выздоравливай. Цесаревич тоже повредил ногу, и ничего, сидит пайнкой.

– Ах, ну если сам цесаревич... – Петин голос сочился насмешкой, но, кажется, беззлобной.

Андрей уселся рядом и протянул Алексею бутылку. Тот мотнул головой.

– Мне через четыре часа за развод войск отвечать. Нужна свежая голова.

– Ну как хочешь. – Андрей отхлебнул из горла и передал бутылку Пете. Тот с энтузиазмом за нее ухватился. Хмурый взгляд Алексея его ни капли не смутил.

– Что? Я целыми днями без дела валяюсь. Только и остается, что пить да ворон в окне считать.

Спорить было бессмысленно: Андрей проводил с Петей гораздо больше времени, его влияние Алексею не перебить. Оставалось надеяться, что к Пете с годами придет больше благоразумия.

С койки поодаль, на которой высился неопрятный ворох одеял, донесся сухой задыхающийся кашель. Он не смолкал так долго, что Алексей забеспокоился:

– Там не помирают, часом?

– Да нет, он неделю уже такой, – зевнул Петя. – Вчера и позавчера не помер, так что сегодня с чего бы?

Но Алексей видел то, что было недоступно взглядам его братьев: над постелью больного роились бесформенные бесы.

«Прочь!» – подумал он зло, и черные твари бросились врассыпную, забиваясь в щели пола и вылетая в дверной проем. Больной задышал глубже.

Они заболтались. Говорили больше Петя и Андрей, но Алексей, обычно не переносивший пустой треп, обнаружил, что слушает их рассказы об артиллерийских буднях с удовольствием. Когда-то стать офицером от артиллерии было пределом его мечтаний. Интересно, как бы сложилась его жизнь, не порекомендуй его наследнику престола генерал Мелиссино?

«Прозябал бы в безвестности, выслуживаясь перед зажавшимися ничтожествами, – вот как».

Нет, жалеть тут не о чем. Своим фантастическим взлетом Алексей обязан его величеству, и пусть сейчас трудным временам не видно конца и края, его долг – быть рядом с императором.

Перевалило за четыре часа, и Алексей уже собирался назад – попытаться урвать хоть пару часов сна, – когда беседу снова прервал приступ ужасного кашля. Больной сипел так надсадно, что Алексей не выдержал и растолкал дремавшего за столом лекаря.

– Посмотрите, что там с этим, – он кивнул на ворох одеял.

Поняв, кто перед ним, лекарь не осмелился возражать. Подойдя к койке, он принялся разгребать одеяла, пока на свет не показался исхудалый, бледный как смерть паренек с запавшими щеками. При взгляде на него Алексея прошиб холодный пот. На бледной коже, будто следы застарелых побоев, выступали черные разводы.

Он подскочил к койке, едва не сбив лекаря с ног.

– Давно у него эти пятна?

– Нет, ваше высокопревосходительство, – пролепетал лекарь. – С утра ничего не было, клянусь богом!

Больной снова зашелся в приступе. С его губ сорвалось несколько темных капель: то ли кровь, то ли что похуже. Андрей тоже подошел – ни следа бывлой развязности.

– Чего это с ним?

Петя отчаянно тянул шею со своей койки.

Алексей оттеснил брата плечом, чтобы не стоял слишком близко. Наклонился было к больному, пытаясь разглядеть его глаза, тонкой полоской поблескивающие из-под опущенных век, как вдруг тот сам вытаращился на него. Кашель оборвался. На смену явился трескучий хрип:

– Тьма грядет. Тьма грядет. Тьма грядет.

Белки его глаз почернели.

Лекарь испуганно попятился. Андрей оцепенел. И только Алексея больше занимали слова обезумевшего солдата.

– Тьма грядет. Тьма грядет. Тьма гр... – Черная слякоть хлынула у него горлом, заляпала подбородок, грудь и одеяло.

Кто-то из постояльцев лазарета проснулся и испуганно завопил.

– Тихо! – рявкнул Алексей. – Тихо, кому говорят!

Командный тон и пара затрещин подействовали – в лазарете снова воцарилась тишина. Все только дрожали и обменивались оробелыми взглядами, но не голосили.

– Умершего никому не трогать, – распорядился Алексей, убедившись, что все, включая лекаря, его слушают. – Я доложу его величеству. Ждите дальнейших распоряжений.

И, позабыв проститься с братьями, он бросился вон.

Глава 4

Нож бравобрея

– ...не могу просто погнать ее со двора. Как это будет выглядеть?

– А как выглядит то, что устроили они с графом? Если так пойдет дальше, как бы ваши подданные не начали шептаться, что...

Усталый голос императора и вкрадчивый – Кутайсова смолкли, когда Алексей забарабанил в дверь.

– Ваше величество! – Алексей не знал, осмелился ли бы ломиться в покои императора, если бы тот еще спал, но, к счастью, сегодня тот встал еще раньше обыкновенного.

– Что там опять стряслось? Заходите!

Алексей поспешно шагнул в комнату и замер. Император, еще в ночной рубашке, сидел на стуле с запрокинутой головой. Его шею и подбородок покрывала мыльная пена. Кутайсов стоял рядом с наточенным бравобрейским ножом – процедура бритья была в самом разгаре. Ничего необычного, но вид острого лезвия у самого горла императора взорвал в груди Алексея неконтролируемое желание сломать камердинеру руку.

Кутайсов невозмутимо вернулся к своему занятию. Лезвие заскользило вверх и вниз, вверх и вниз, ловя свет свечей. Император скосил взгляд на Алексея:

– Алексей Андреевич, вы заснули? Я полагаю, если бы дело не было срочным, вы дождались бы часа подачи рапорта.

– Да, ваше величество, – выдавил Алексей, не в силах оторвать взгляд от ножа. Одного росчерка достаточно, чтобы оборвать жизнь владыки огромной страны... И подобная власть – в руках такого человека, как Кутайсов.

Кутайсов, заметив его взгляд, нахально улынулся. Накатило новое желание – разбить ему лицо. Алексей с трудом заставил себя говорить.

Император внимательно выслушал его рассказ о произошедшем в казармах. К концу Кутайсов уже стирал мыльную пену салфеткой и обмывал нож в тазике с помутневшей водой. Лицо императора было мрачным.

– Ничего не понимаю. Почему... – Он осекся.

Окно было приоткрыто. У них на глазах вместе с сочащейся с улицы струйкой морозного воздуха в комнату невозмутимо вплыл бес размером с кулак. Побледнев, император указал на него пальцем.

Алексей не успел среагировать. Нож Кутайсова со свистом рассек воздух ровно в том месте, куда указывал царственный перст, и со стуком вошел в стену. Бес разлетелся облачком мглы.

– С каких пор, – сипло произнес император, – бесы залетают ко мне в покои как к себе домой?

Кутайсов насмешливо покосился на Алексея. Видимо, пришло в голову то же, что и ему: «бес лести предан». Алексей до боли стиснул челюсти. Жаркий гнев вытеснил потрясение, хотя он не знал, что ошеломило его больше: то, что Кутайсов умеет метать ножи, или то, что его нож с какой-то радости был из освященной стали.

Император подошел к окну и глянул вниз:

– А эти бездельники стоят и в ус не дуют! Сходите-ка напомните им, в чем заключаются обязанности гвардейцев. И велите оседлать мне лошадь.

Знакомая красная пелена уже застилала глаза, когда Алексей вылетел из дворца. Часовые, чуя беду, напряглись. И не зря – безвыходная ярость на Кутайсова взвинтила Алексея не меньше, чем халатность этих дрянных бездельников.

– Чем вы занимаетесь?! – прошипел он, подсакивая к черно-белым гвардейцам, дежурящим под окнами императора. Иногородные – в лицо их Алексей не знал. – Спите, что ли?!

Бесогонь оторопело переглянулись.

– Да мы разве что не так сделали? – растерянно пробормотал ближайший.

Его осоловелый вид взбесил Алексея еще больше.

– Все вы сделали не так! – рявкнул он, сжимая кулаки. – У вас одна работа – смотреть, чтобы никакие твари во дворец не пролезли!

– Так мы смотрели, ваше высокопревосходительство...

«Из Москвы», – решил Алексей. Только там бесогонь такие самоуверенные и такие распущенные. Ну ничего, он-то с них гонор посбивает...

До последнего мгновения гвардеец смотрел на его руку с изумленным любопытством, будто даже в мыслях допустить не мог, что это всерьез. Зато от удара шарахнулся так, что чуть не свалился в сугроб. Его соседи наблюдали с вытаращенными глазами.

– Плохо смотрели, если бесы к его величеству в окно влетают! – Драть глотку на морозе было до одури приятно. Напряжение испарялось быстрее тепла, даже задышалось свободнее. Наконец-то хоть что-то простое и понятное. Чего еще заслуживают лодыри, поставившие под угрозу благосостояние императора, если не хорошей трепки?

Тяжело дыша, Алексей исподлбья глянул на остальных гвардейцев. Те в ужасе отшатнулись. Так-то лучше.

Вид зажимающего кровавый нос бесогоня неприятно напомнил подполковника Лена, но Алексей быстро себя успокоил: много лет прошло, к потере дворянской неприкосновенности все уже привыкли. Да и от одного тычка этому дурню вреда меньше, чем если бы император взял дело в свои руки и отправил провинившихся напрямик в крепость.

Будто призванный его мыслями, сзади раздался знакомый звон шпор. Император окинул перепуганных гвардейцев холодным взглядом и осведомился:

– Кто дежурный офицер?

– Капитан Эгерс, ваше величество.

– Передайте ему, что он уволен. Идемте, Алексей Андреевич.

– «Тьма грядет»? Это все, что он сказал?

– Да, ваше величество. Пять с половиной раз.

Император, буравящий взглядом черные отметины на теле погибшего, обернулся к подбострастно сгорбившемуся лекару:

– Вы уверены, что вчера утром кожа у него была чистая?

– Да, ваше величество. Я проверял, ничего. Да и откуда? Он ведь воспалением легких страдал. Никогда не видел, чтобы от этого такое выходило.

– А очень он был плох?

– Да как сказать, ваше величество. Мог еще выкарабкаться, а мог и на тот свет отправиться. И отправился.

– Ночью над ним кружили бесы, – заметил Алексей вполголоса. – Я их отогнал, но он, похоже, уже был не жилец.

– Сосут силы у тяжело больных, – процедил император. – Тут ничего нового. Но что значат эти метки?

Алексей не нашелся с ответом. Император со вздохом отошел от койки.

– Похоронить его, – распорядился он. – Если на ком-то еще появятся такие отметины, сразу посылайте ко мне.

Не дослушав лепечущие заверения лекаря, что именно так тот и поступит, император вышел в коридор. Солдаты уже были на ногах и спешили по своим делам, но, завидев государя,

замирали и вытягивались в струнку. Тот кивал им, едва замечая, и только у самых дверей обернулся и окинул робеющих вояк внимательным взглядом:

– У вас всего вдоволь? Жалование платят вовремя?

– Так точно! Заботами вашего величества! – грянул нестройный ответ.

Лицо императора смягчилось.

– Хорошо.

Он махнул Алексею рукой, и они вышли в черное утро. Под сапогами заскрипел снег.

– Ну что, Алексей Андреевич? Вы что-нибудь понимаете?

– «Тьма грядет»... Будто Изнанка пытается говорить с нами. – Алексей вскочил в седло, стараясь скрыть дрожь. Мысль о том, что тьма могла сидеть не только в его теле, но и в разуме обычных людей, наполняла его безотчетным ужасом. – Раньше я слышал ее голос только во снах. А теперь...

– Разве Изнанка может разговаривать?

– Герман говорил, что у тьмы есть разум.

– А что ты? – Топот копыт слился с хрустом снега. – Ты в это веришь?

Больше всего на свете Алексею хотелось сказать уверенное «нет».

– Я не знаю, ваше величество.

Что-то говорило с ним: бесы, тьма, Изнанка – называй как хочешь. Их шепот воспламенял его ярость, их вкрадчивое шипение требовало разрушать, карать и убивать. Но возможно и другое. Может, нет никакого страшного черного разума, вызывающего к нему из океана тьмы. Может, все черные слова, что он слышал, все черные мысли, наполнявшие его голову, с самого начала принадлежали ему одному. И в бесах, в вечной ночи, он, как в зеркале, видел свое собственное отражение. Алексей гнал от себя эту мысль так же отчаянно, как раненый отгоняет слетевшихся поживиться его плотью стервятников.

– Как мне это надоело – ничего не знать! – воскликнул император с желчной досадой. – «Тьма грядет»... Ради чего мы тогда сражались все это время? В войне нет смысла, если она не ведет к миру. А что я за государь, если не могу подарить мир одному-единственному городу?

– Вы государь, который пытается это сделать. – Алексей опустил взгляд на дорогу. – Это больше, чем могут похвастаться многие.

– Но этого недостаточно. Недостаточно...

Развод войск прошел по расписанию. После император подозвал Алексея к себе и распорядился:

– Я хочу, чтобы ты зашел к цесаревичу и сказал, что я желаю говорить с его супругой.

Ничего хорошего это не предвещало, но Алексей покорно направился в покои великокняжеской четы. Усталость от бессонной ночи граничила с дурманящей, только это и глушило тревогу.

Пришлось постучаться несколько раз, прежде чем на пороге объявился Александр. Судя по заспанному виду, прямо из постели.

– Что? Покой больному уже не полагается? – спросил он с мягким укором.

Но, услышав, зачем Алексей пришел, мигом растерял и сонливость, и шуточки. Через четверть часа они с Елизаветой Алексеевной уже сидели в своих излюбленных креслах, обмениваясь тревожными взглядами. Когда вошел император, оба вздрогнули. Но, ко всеобщему удивлению, император смотрел приветливо и первым делом спросил:

– Как ваша нога, Александр?

Тот покосился на обернутую повязкой лодыжку.

– Я еще не вполне поправился, ваше величество. Но мне лучше.

Александр по-прежнему ковылял как каракатица, так что Алексей не понимал, что побудило Константина назвать брата притворщиком.

– А вы? – император перевел взгляд на Елизавету Алексеевну. – В добром здравии, надеюсь?

Елизавета Алексеевна, заговаривавшая в присутствии свекра еще реже обычного, осторожно улыбнулась. Ее ладонь лежала на округлившемся животе.

– Да, ваше величество, я прекрасно себя чувствую.

– Рад слышать. Очень хотел бы, чтобы так и осталось. – Император посмотрел на сына. Снова на невестку. И без перехода закончил: – Поэтому я хотел предложить вам, Елизавета Алексеевна, перебраться в Гатчину.

Глядя на великокняжескую чету, можно было решить, что император предлагает невестке перебраться в монастырь где-нибудь в глуши. От лица Александра отхлынула вся кровь. Великая княгиня отреагировала сдержаннее, но ее голубые глаза нехорошо заблестели.

– Ваше величество желает, чтобы я отправилась туда одна?

– Я был бы счастлив, если бы ее величество поехала с вами, но у нее свое мнение на этот счет, – голос императора сделался суховатым. – Однако вы могли бы составить компанию моим дочерям, присматривать за ними вместе с графиней Ливен.

Рука Елизаветы Алексеевны потянулась вбок и сжала запястье Александра.

– Я не хотела бы расставаться с мужем.

Александр растерянно посмотрел на нее, потом на отца. Тяжело сглотнув, спросил:

– А зачем ей уезжать?

– До Гатчины меньше дня пути, это не какая-то вечная разлука, – в тон императора просочилось раздражение. – А ехать следует потому, что вы беременны, а в городе сейчас небезопасно. Не буду утомлять вас подробностями, но я не хочу, чтобы супруга моего наследника рисковала своим здоровьем и нерожденным ребенком, оставаясь здесь без всякой необходимости.

Александр обмяк в кресле, не глядя уже ни на отца, ни на жену. Та, напротив, села еще ровнее и вперила твердый взгляд в раздосадованного императора.

– Мне следует понимать это как приказ?

Алексей ждал уверенного «да». Но прежде, чем император успел хотя бы раскрыть рот, Елизавета Алексеевна разрыдалась. Это было так неожиданно, так не похоже на ее обычную сдержанность, что Алексей едва поверил глазам.

Император переменялся в лице: на смену сдержанной досаде пришла оторопь, за ней – сдавленное сожаление. Он сделал несколько шагов, будто намереваясь потрепать несчастную девушку по плечу, но передумал и просто сказал:

– Ваше высочество, прошу вас, не плачьте. Я вас ни к чему не принуждаю, только прошу как следует обо всем подумать.

Елизавета Алексеевна замотала головой:

– Я не хочу уезжать! – Алексей впервые слышал, как она повышает голос. – Я должна остаться здесь! Пожалуйста, ваше величество...

Как ни сложно было в это поверить, но император, стойко встречавший и исполинскую разломную тварь с полчищем потусторонних прихвостней, и гнев собственной супруги, на этот раз совершенно оробел перед женскими слезами.

– Вас никто не заставляет уезжать, – повторил он глухо. Покосился на сына.

Тот беспомощно пожал плечами. Галантные манеры светского сердцееда, за которые цесаревича так любили придворные дамы, таинственно испарялись, стоило речи зайти о его супруге. Может, он все-таки любил ее по-настоящему. Но зачем тогда держался так отстраненно все эти годы?

Тут Алексею взбрела на ум другая идея:

– Разве их высочества не могут отправиться в Гатчину вместе?

– Нет, – отрезал император, так резко, что Алексей пожалел, что открыл рот. – Место наследника престола – при дворе. Да и куда цесаревичу трястись в карете, если он сидя в кресле-то выздороветь не может?

Его мимолетное раскаяние снова уступило место желчи. Император мотнул головой, развернулся и, не прощаясь, вышел. В ту же секунду вскочила и Елизавета Алексеевна. Она стремительно направилась в спальню, только на пороге раздраженно смахнула слезы и, обернувшись к мужу, бросила:

– Вот бы вы еще сами хоть иногда барахтались, когда тонете.

Дверь за ней захлопнулась.

Александр обессиленно уронил лицо в ладони. Алексей испугался, что и этот сейчас разрыдается, но он лишь поинтересовался:

– Сейчас тоже скажешь, что я слишком остро на все реагирую?

Алексей чувствовал, что ему бы лучше последовать за императором, но после этих слов уйти не смог. Со вздохом он сел в освободившееся кресло.

– Его величество прав. В городе творится черт-те что. Люди...

– Я знаю. Граф Кочубей рассказал мне, что случилось с его дядей, прежде чем покинул нашу гостеприимную столицу. Но мы никогда спокойно и не жили. По крайней мере, с тех пор, как умерла... – Александр осекся. Настороженно глянул на Алексея в щель между пальцами и поспешно исправился: – С тех пор, как появился тот огромный разлом.

Его испуганный взгляд ранил Алексея почти так же глубоко, как давеча сказанные императором резкие слова.

– Вы же знаете, что я не докладываю его величеству содержание наших личных бесед? – буркнул он уязвленно.

– Конечно, знаю. – Александр быстро отнял руки от лица.

Даже побледневший и осунувшийся, он был все так же красив неземной красотой ангела. Недостигаемый мираж. И, как и до недостижимого миража, достучаться до него было невозможно. Алексей устал пытаться. Вместо новых попыток он сказал:

– Если бы кто-то цеплялся за меня так же, как ее высочество – за вас, я бы с таким потерянным видом не сидел.

– За меня? – Александр выгнул брови. Потом улыбнулся. – Да, может, и за меня. Удивительно, правда? Мы могли неделями не разговаривать, но чуть что, и она тут как тут, мой храбрый рыцарь. Это ее следовало назвать «защитницей», а меня... как-нибудь попроще. – Он снова помрачнел, махнул рукой. – Ты выглядишь так, будто несколько ночей не спал. Иди лучше отдохни.

Ему показывали на дверь.

Усталый и раздосадованный, Алексей встал. Умом он понимал, что любой на месте Александра переживал бы, возмись отец пропалывать грядку его закадычных приятелей с таким рвением. Сердцем – едко интересовался: стал ли бы тот так же убиваться, реши его величество отправить в отставку Алексея, или вселенской скорби удостаивались лишь те друзья, что не были верными слугами своему императору.

Глава 5

В строю

Сперва Алексей решил, что снова на Изнанке – над головой простиралось багровое небо, а черные силуэты зданий торчали мрачно и глухо. Но тихие стоны из придорожных канав и мертвые провалы молчания принадлежали не раненым бесогонам, да и сама дорога была не чета растрескавшимся тропам, бегущим сквозь разрушенные города Изнанки. Эта была вымощена гранитом, похожим на полежалый кусок мяса с прожилками сизых вен. Но настоящее мясо пряталось в тени канав – по-другому не назвать было иссеченные тела, все в струпьях и кровоподтеках, с висящей рваными лоскутами кожей. Алексей думал, он уже слишком зачерствел, чтобы такие виды вызывали в нем что-то, кроме усталого безразличия. На войне он не бывал, но навидался, во что превращались те, кого осуждали на публичную экзекуцию. Людей секли, людей били палками, стегали чем придется – это просто жизнь, просто один из столпов, на которых держится порядок. Он сам раз за разом назначал эти наказания. И если осужденные не выдерживали истязаний и погибали, это значило лишь, что им следовало думать лучше, прежде чем совершить свой проступок.

Но здесь было иначе. Море стонов и хрипов захлестнуло Алексея с головой. Ноздри забил гнилостный аромат боли и смерти. Чем дальше он вглядывался в пестрящую красным и белым картину человеческих мучений, тем слабее делались ноги, несущие его вперед маршевым шагом. Это был парад смерти, и в строю остался он один. Это был парад смерти, и он шел вперед, стуча начищенными сапогами по безликому граниту.

Здания были натканы вразнобой. Алексей узнавал постройки из разных городов, в которых бывал в ходе инспекций: Московский кремль, Софийский собор Новгорода, костел Вознесения Господня в Вильне... Храмы и казармы, сторожевые башни и часовни, театры и кладбища, особняки вельмож и утлые крестьянские домишки.

Потом здания стали редеть. Вдали зашумели раскидистые ели: темно-зеленое под красным, как сукно мундира под ярким воротником. Но алая краска уже вытекала с неба, разбавленная густой чернильной синевой. Дорога начала петлять, шла то в гору, то вниз. Канав больше не было, тела разметались по жухлой траве, затем – по песчаным прогалинам и, наконец, по сугробам. Здесь никто уже не стонал и не дергался, из глубоких ран не текла кровь. Больше не мясо – вмерзшие друг в друга фарфоровые куклы. Взгляд искал в темной синеве знакомые созвездия, указавшие бы путь. Но небо было пустым, ни проблеска огня.

Пошел снег: сперва мелкий, затем – крупнее и крупнее, закручиваясь в хороводы под безжалостным ветром. Несмотря на теплый мундир, Алексей в минуту продрог до костей. Белые осы жалили щеки, заставляли щуриться до слепоты. Он больше не различал дороги, не различал даже деревьев и напрасно зывал к огню внутри себя – тепло покидало тело, выжатое по капле яростью метели.

И вдруг – прояснилось. Ветер стих, снег снова зашептал мягкую колыбельную, укрывая застывшие тела.

«Еще чуть-чуть, – подумал Алексей. – Еще чуть-чуть, и я тоже стану одним из них».

Впереди мутным пятном выступил угрюмый силуэт. Дорога кончалась, упираясь в трон, тяжелый и потускневший от времени. Бархатная темно-зеленая подушка пустовала, только коронованный двуглавый орел хищно топорщил когти со спинки. За троном расстилалось бескрайнее снежное поле.

Зрение сузилось усталым тоннелем. Не чувствуя ног, Алексей подковылял к трону и бесильно опустился у изножья. Дрожь его уже не была, только редкие облачка пара, срывающиеся с губ, напоминали, что он еще жив. Жив ли? Здесь так холодно...

Он скорчился, прижавшись лбом к изогнутой обжигающе-ледяной ножке. Переносицу заломило, веки отказались подниматься. Чьи-то пальцы зарылись в волосы, поглаживая макушку.

– Что же ты? Неужели не хочешь быть чистым?

Тьма требовала, чтобы он убил в себе все чувства, кроме гнева и ненависти, но холод был страшнее – он убивал разум. Алексей бездумно потянулся вверх, ища губами царственную руку, – но его встретил холодный поцелуй смерти.

Он проснулся, сотрясаемый ознобом, и, даже закупорив все окна и затопив все каминные в покоях, до самого утра не мог согреться. Это был его первый кошмар с тех пор, как они закрыли Разлом.

* * *

Балы в Зимнем стали давать гораздо чаще. Или так запоздало действовали увещания Нелидовой, уверявшей, что чем больше император будет показываться в свете, тем выше станет его популярность среди дворян. Или правы были злые языки, судачащие, что дочерью генерал-прокурора император теперь увлечен куда больше, чем собственной супругой. Впрочем, если и так – хотя Алексей в это не верил, он еще ни разу не слышал, чтобы Лопухина сказала хоть одно умное слово, – было бы с чем сравнивать: в последнее время император держался с Марией Федоровной подчеркнуто холодно. Алексей больше не слышал, чтобы они ругались, но теплое взаимопонимание, царившее между ними в Гатчине, исчезло безвозвратно. Куракин еще служил мостом, перекинутым над пропастью между царственными супругами, но Алексею, всегда пристально следившему, к кому его величество проявляет благосклонность, казалось, что император охладевает и к своему старому другу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.